

Ван Юе

ПСИХОЛИНГВИСТИКА МИФА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматриваются мифологические тенденции в современной русской женской прозе. Дается представление о выражении языковой культуры русского читателя посредством исследования лингвистических маркеров мифологем. Установлено, что языковое сознание русского народа отражает интерпретацию текста и константных образов с опорой на инвариант мифологического архетипа. Показано восприятие "неомифов" современной женской прозы русским читателем; дано лингвистическое толкование явления "зеркальности" концептуального и образного ряда произведений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 224-228. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

каковы бы ни были превратности судьбы, она в конечном счете predetermined Божьим судом, изменить ее нельзя, человек должен испытать всю чашу горя и радостей, отпущенную Богом. Так, в трагической безысходности поэт в часы отчаяния уповает на Божий суд. Мамсуров, несомненно, был человеком искренне верующим. Поэтому естественны в его творчестве размышления о сущности Божеской воли, суетности мирского существования людей, созданных и призываемых к себе Богом после мгновенного пребывания их на земле.

Важно отметить, что Мамсуров не только воссоздал в поэтической форме трагедию переселения, но и верно определил причины переселения горцев Кавказа в Турцию. Первую причину он видел в политике царского самодержавия на Кавказе, штыками выдворившего горцев из их Отечества. Вторую – в провокационной агитации переселения в Турцию, которую вели представители мусульманского духовенства самих кавказских народов. Третью причину поэт видел в бесчеловечном равнодушии единоверной Турции к трагической судьбе мухаджиров.

Таким образом, трагедию переселения и разлуку с Родиной поэт искренно показал в своем творчестве. Все нечеловеческие муки в пути, пережитые переселенцами, ярко запечатлены Мамсуровым. Поэт затрагивает здесь и проблему национального сознания осетин того периода. Патриархальный мир с его этикой и эстетикой остался для него единственным и идеальным критерием при оценке человека и общественных явлений. «И именно это положение принципиально отличает его от последующих осетинских писателей времени становления национальной литературы и определяет его место в историко-культурном процессе осетин как выразителе настроений и чаяний осетин дореформенной эпохи» [3, с. 76]. Осетинская народная поэзия и народное красноречие, весь стилистический арсенал этноса послужили для Т. Мамсурова той художественной почвой, на которой выросло его индивидуальное искусство, а народная трагедия 1865 года и народные настроения, миропонимание, симпатии и антипатии, нужды и заботы наполнили содержание его поэзии.

Список источников

1. **Алборов Б. А.** Первый осетинский поэт Темирболат Мамсуров // Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ: Ир, 2005. С. 83-96.
2. **Джикаев Ш. Ф.** История осетинской литературы. Владикавказ: Ир, 2002. 461 с.
3. **Джусойты Н. Г.** История осетинской литературы: в 2-х ч. Тбилиси: Мецниереба, 1980. Ч. 2. 270 с.
4. **Дзидзоев В. Д.** Осетинские мухаджиры Т. О. Мамсуров и И. Д. Кануков: литературное творчество и судьба // Осетинская филология. Владикавказ: Ир, 2012. С. 134-147.
5. **Мамсуров Т. О.** Осетинские песни. Владикавказ: Ир, 2008. 78 с.
6. **Фидарова Р. Я.** Художественная культура осетинского народа. М.: Наука, 2010. 453 с.

TEMIRBOLAT MAMSUROV AS A SPOKESMAN OF MOUNTAINEERS' WORLD VIEW

Valieva Tat'yana Iosifovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz
nosu@nosu.ru

The article studies the creativity of the famous Ossetian poet Temirbolat Mamsurov. His merit is that he was the first to create a new genre, the genre of a poem, genetically close to the folklore genre of folk songs. The article reveals the main problems and peculiarities of Mamsurov's poetry. The main content of the study is the analysis of his poetry. On the basis of the analysis it is concluded that for T. Mamsurov the criterion for evaluation of a person and social phenomena remains the patriarchal world of a mountaineer with his ethics and aesthetics.

Key words and phrases: T. Mamsurov; genre of poem; tragedy of immigrants; patriarchal world; folk poetry; individual creativity; mountaineers' world view.

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются мифологические тенденции в современной русской женской прозе. Дается представление о выражении языковой культуры русского читателя посредством исследования лингвистических маркеров мифологем. Установлено, что языковое сознание русского народа отражает интерпретацию текста и константных образов с опорой на инвариант мифологического архетипа. Показано восприятие «неомифов» современной женской прозы русским читателем; дано лингвистическое толкование явления «зеркальности» концептуального и образного ряда произведений.

Ключевые слова и фразы: современная женская проза; психолингвистика; лингвокультурология; мифотворчество; «неомиф»; «антимиф».

Ван Юе

Пекинский педагогический университет, Китайская Народная Республика
ur20092011@163.com

ПСИХОЛИНГВИСТИКА МИФА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

Современное состояние научной мысли приближается к необходимости создания единой области исследовательской интеграции, объединяющей философию, психологию, культурологию, этнологию и другие

гуманитарные направления на базе лингвистики. Появляются утверждения о том, что «социальные науки в ближайшем будущем отринут дисциплинарные границы и сосредоточатся на объекте исследования» [24, с. 19]. Имеются и более конкретные предложения учёных об «интеграции целых ветвей гуманитарного знания и наук в один узел общей теории или в кумулятивный концепт, представляющий собой сплав философии, психологии и социологии» [10].

Ф. де Соссюр утверждал, что «любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться» [14, с. 156]. Ассоциативность в психологии имеет лингвистические и экстралингвистические причины; так при помощи языка в любом тексте можно создать определённый ряд образов, в том числе и мифологических. Современные исследователи считают, что при обращении к изучению любой составляющей языка, в любых его проявлениях, невозможно «отвлечение от психологии», по крайней мере, на определённых этапах лингвистического исследования [8, с. 11-26]. «Лингвистика, – считает В. М. Павлов, – не может не быть психолингвистикой (то, что она далеко не всегда выступает в этом качестве в своей рефлексии на себя, ничего не меняет)» [9, с. 23].

Язык, веками формирующийся в глубинах народной ментальности, не может не отражать коллективные психологические рефлексии; чаще всего такие ассоциации находятся в языковых знаках, содержащих мифологическое представление этноса об окружающей действительности. В исследованиях, посвященных психолингвистике какой-либо народности, язык, слово как знак рассматриваются в качестве исходного положения этнической культуры [2, с. 126]; при этом именно мифологемы обнаруживают те ассоциации, которые делают историческое сознание народа неповторимым. Исследователи утверждают: «Пронизанность мифом всего художественного творчества человечества способствовала рождению концепции мифопоэтической сущности искусства. Миф, являясь “плодом эмоций”, представляет результат вымысла “бессознательного”» [20, с. 3].

Современная литература стремится сохранить и перетрактовать мифы, воплощая в произведениях знаки, образы и ассоциации, связанные с исторической культурой человечества. Не является в этом отношении исключением и так называемая женская проза XXI века; гендерный аспект здесь уточняется, потому что культура мифа воплощается в этих произведениях посредством особого знакового (словесного и образного) психологизма. В этом смысле современная женская российская проза: произведения Людмилы Улицкой, Людмилы Петрушевской, Татьяны Толстой, Мариам Петросян, Дины Рубиной, Виктории Токаревой, Оксаны Робски, Ольги Славниковой и других писательниц – по своей сути является своеобразным лингвокультурологическим и лингвопсихологическим феноменом, поскольку содержит связи между языком, культурой и психологией. В их творениях воплощено понятие «миф» в психолингвистическом контексте, поэтому, по мнению исследователей, современную женскую прозу можно считать особым новым и психологически самобытным явлением не только в русской, но и в мировой литературе [1, с. 99]. Современные исследователи также рассматривают в женской прозе такие мифологические категории, которые они считают гендерными постмодернистскими явлениями; исследователь А. Н. Шестак пишет: «Сугубо постмодернистскими являются категории Смерти и Пустоты, идея означаемого небытия и иллюзорности реального, с точки зрения магического реализма рассмотрены образы метафизических существ и потустороннего мира, также упоминаются личные и психологические мотивы как художественные установки женской прозы» [21]. В том числе для современной женской прозы характерен «реалистический реализм», который в перестроечной критике называли «чернухой» или «жесточкой прозой». Исследователи XXI века считают, что стиль женской прозы имеет черты, близкие реализму, и называют данное явление, соответственно, «магическим реализмом».

Вся культура человечества насыщена мифологическим психологизмом, поскольку искусство по своей изначальной сущности мифопоэтично, ведь миф рождается как результат эмоционального восприятия мира, как «бессознательный вымысел»; недаром психолог К. Г. Юнг трактовал коллективное бессознательное как мифологический архетип, выделяя архетипы «тени», «дитяти», «Великой матери», «мудрых стариков», «персоны» [23, с. 142-170]. Воплощение подобных архетипов в современной психологической женской прозе является одним из факторов выражения лингвокультуры через мифологические лексемы и образы.

Таков, например, архетипический образ женщины в творчестве Людмилы Петрушевской, созданием которого она предпринимает психологическую попытку развенчания мифа о том, что культура по своей природе патриархальна. Исследовательница Джейн Капути утверждает, что с феминистической позиции миф «представляет собой язык», то есть такую субстанцию, которая способна менять окружающую действительность [5, с. 562]. В мировой мифологии есть примеры изображения сказочной женщины, представленной в виде паука, дающего названия вещам и таким образом вызывающего их из небытия в реальность: мифический персонаж создаёт реальность при помощи слова, речи, номинации [22, с. 178-180]. В современной женской прозе часто встречается подобный образ женщины-амазонки, которая способна создать свой космос, не прибегая к помощи мужчин; так, например, живут и действуют героини новеллы Татьяны Набатниковой «Амазонки», представленные в трёх поколениях.

Учёные вполне основательно утверждают, что «женский художественный дискурс формирует и отражает женское мышление не только лингвистическими, но и социальными средствами внутри определенного социокультурного пространства, а конкретнее, принятыми в данном сообществе правилами обусловливания речи. Специфика женского художественного дискурса обусловлена сочетанием языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации» [18, с. 113]. Действительно, лингвистическое сознание писательницы-женщины особым образом отображается в созданных ею художественных текстах, где репрезентация слова может осуществляться через мифологические и психологические ощущения. «Дискурс женской

прозы реализуется в текстах, за которыми стоит гендернообусловленная и гендерномотивированная грамматика, лексикон, синтаксис, семантика» [Там же, с. 110], – утверждают исследователи текстов. Женская русская проза XXI века представляет собой многогранное явление, раскрывающее с разных сторон лингвоконцепт «женщина», показывающее собственное отношение к гендерным стереотипам, констатирующее окружающий мир через практику текстовой самоидентификации. Изучение психолингвистики женской литературы связано с описанием мифологической картины мира, в центре которой стоит предвечная женщина, создающая этот мир и взаимодействующая с ним.

Исследователи рассматривают составляющую архетипов «персона-самость» в женских образах Людмилы Петрушевской, где «персона» и «самость» – архетипы, имеющие противоречивое содержание, когда «самость» понимается как индивидуальное, внутреннее начало, а «персона» – «обращённое вовне, в социальную среду» [13, с. 329]. Среда обитания героинь Людмилы Петрушевской – быт российской действительности, в среде которого они продолжают оставаться «персонами»: «Она держалась так прекрасно, что по ней было незаметно, что она живёт общей для всех женщин жизнью – то есть стирает, убирает, готовит, ходит по магазину, управляется с ребёнком и ещё каким-то образом живёт в одной комнате с родителями мужа» («Стена») [11, с. 138-139]. В этом описании показана «детерминированность женской судьбы, обусловленная историческим отрезком» [20, с. 4].

Психологическая трактовка феминистического мифа присутствует в новеллах Людмилы Петрушевской «Тёща Эдипа» и «Медея». В «Медее» писательница обращается к мифу, чтобы, связывая вечность и современность, изобразить разницу мужского и женского психологического подхода к вопросу смерти ребёнка, а произведение «Тёща Эдипа», само основанное на мифе, воссоздаёт новый миф о слепом роке, который правит судьбами людей, даже не подозревающих о его мистическом присутствии. Эдип – мифологический персонаж, образ которого связан с темой инцеста, внутривидового кровосмешения. Но в рассказе Петрушевской присутствует и миф-«одиссея»: поиск героем, движимым судьбой, пути к своему дому. Имя главного героя рассказа Петрушевской – Некто: именно так называл себя и гомеровский герой, будучи пленником циклопа. В рассказе «Некто, повинувшись зову судьбы, покупает дом в деревне...» [12, с. 446]. У Петрушевской переплетаются два мифа, при этом удваиваются или зеркально отражаются друг в друге все образы произведения: смешались люди и животные, сыновья и отцы; непонятно, кто жена, а кто дочь. Герой возвращается домой в состоянии примирения с увиденным; по мнению автора, современный читатель также должен принимать ситуации мифологического инцеста как данность. «В конце концов, надо всем простить...» [Там же, с. 451], – завершается рассказ.

Эпическое начало в романе другой современной писательницы, Людмилы Улицкой, – «Медея и ее дети» – заложено в психологическом архетипе, основанном на фольклоре, что делает образы близкими и понятными современному читателю. Главная героиня – Медея Синопли – из своего домашнего двора создаёт настоящую «землю обетованную», которая как родовое гнездо привлекает многочисленных детей родни бездетной Медеи. Она организует ту семью, которую не смогла сохранить космогоническая Медея из первоначального мифа, даря миру свою неизрасходованную женскую теплоту и желание понять каждого приходящего в её дом.

Портрет Синопли, созданный Л. Улицкой, неброский и обыденный: это по-гречески смуглая женщина в завязанном узлом платке, которая скупа на эмоции и жесты: «Черная шаль не по-русски и не по-деревенски обвивала ее голову и была завязана двумя длинными узлами, один из которых лежал на правом виске. Длинный конец шали мелкими античными складками свешивался на плечи и прикрывал морщинистую шею. Глаза ее были ясно-коричневыми и сухими, темная кожа лица тоже была в сухих мелких складочках» [17, с. 24]. «Русская» Медея при всём богатстве крымской природы, играющей красками, не уподобляется ей: она предпочитает носить чёрную одежду – символ скорби и одиночества.

В очерках М. Н. Липовецкого по истории русского постмодернизма говорится о том, что поэтика современного литературного направления из осколков прежней, разрушенной, мифологии строит «новую, неиерархическую, неабсолютную, игровую мифологию»; здесь же постмодернистский миф называется «устойчивым языком культурного сознания» [6, с. 359]. Таким «языком десакрализации мифа» создан роман Татьяны Толстой «Кысь». Проанализировать огромное количество мифологем, трансформированных в неомифы романа Толстой, здесь не представляется возможным; обратимся только к центральному «женскому персонажу», давшему название произведению: образ многоплановый и многоассоциативный, но, несомненно, обладающий началом мировой женской души. Н. Елисеев анализирует слово «кысь» по звуковым ассоциациям: «кис-кис», «брысь» и «кышь», «рысь» и «Русь» [3]. Внутренне в этом неомифологическом образе воплощена тоска по изгнанной за пределы русской жизни соборной женской душе, духовности, осмысленности, которая иногда захватывает, как болезнь, того или иного жителя изображенного писательницей города Федор-Кузьмичска. Душа-женственность изгнана из социума, где царит невежество и духовная темнота, но о её существовании говорят «старые люди», отождествляя её с некогда почитаемой загадочностью русской души, призванной задавать вопросы о смысле бытия и мучительно искать на них ответы. Как только главный герой – Бенедикт – задумывается о предназначении жизни, на него нападает страх перед властью Кыси. В конце романа далёкая лесная душа проникает в сознание героя, вселяя в него ужас перед самим собой, перед бездонностью и неохватностью человеческой души. Женский образ, давший название роману Татьяны Толстой, воплощает в себе мысль о наступившей в России эпохе бездуховности, рождённой из разрыва с мифологической культурой предков, выраженной в «забывании» старых слов – языковых психологических культурных маркеров.

Современная женская проза – откровенный психологический диалог с читателем, открывающий перевёрнутый эсхатологический мир мифов, в котором мировой космический порядок стал хаосом, мифический герой стал современным антигероем, влиятельное общество стало враждебным антиобществом. Психологическое давление на читателя оказывается с такой силой, что не просто «заставляет задуматься» над реалиями окружающей действительности, а вселяет мифический ужас «перевёртышами» интертекстов, жанров, мифологических сюжетов. Женское начало в такой прозе не только авторское, но и образное; решение проблем наступающей катастрофы писательницы видят в возвращении в сознание социума власти мифологической женской мировой души, милующей и карающей. В языковых маркерах человечества с мифом связано представление об идеально гармоничном космосе; в современной женской прозе создаётся «неомиф», свершается десакрализация мифопоэтики, внедряется хаосный «антимиф», что психологически совпадает с внутренними рефлексиями современного читателя.

Ярко выраженной лингвистической чертой текстов произведений современных писательниц является наличие афористичных выражений, которые содержат мифологические слова-маркеры, позволяющие апеллировать к глубинам народного сознания. Исследователи выявили наличие в этих произведениях архетипов, входящих в авторские и заимствованные афоризмы: «Анализ прозаических текстов более шестидесяти современных прозаиков-женщин позволил выявить основные базовые понятия, вокруг которых формируются афоризмы: жизнь – возраст – время, человек – судьба, чувства – эмоции, женщина – семья, нравственность – характер и многие другие» [4, с. 106]. В этом же исследовании делается вывод, что в лингвистических маркерах современных писательниц «основными понятиями являются: человек и его сущность, время и человек, человек в социуме, человек и семья, деятельность человека» [Там же, с. 107].

Лексемы афористичности женской прозы ассоциативно отсылают читателя к мифологическим текстам или к другим явлениям мировой культуры, которые зачастую узнаваемы в произведениях. Именно интертекстуальные ассоциации обогащают в сознании читателя поданную информацию, позволяя интерпретировать афоризмы в силу собственного культурного уровня. С точки зрения психолингвистики интересны интертекстуальные штрихи, основанные на парафразе исконных пословиц и фразеологизмов, например: «Сплетни заменяют людям творчество, когда у них нет настоящего. Когда их жизнь пуста». «В пустой жизни и драка – событие». «На пустом лице и царапина – украшение». «Обыватели не любят выдающихся над ними и стремятся принизить, пригнуть до своего уровня» [15].

В приведённых фразах прослеживаются элементы, которые имеют отношение к русскому народному фольклору если не совпадением конкретных лексем, то внутренним содержанием или синтаксическим строем. Исследователи утверждают: «Авторы прибегают к цитированию пословиц, которые, по сути, представляют собой конгломерат народной мудрости. Вследствие возникающей параллели при интерпретации данного афоризма у читателя возникают определенные установки, согласующиеся с его ментальным статусом личности, воспитанной на примерах родственного ему фольклора» [4, с. 108]. Всё это говорит о том, что мифопоэтика народного творчества воплощается в прозе писателей в виде добавочной семантики афористического текста, интерпретируя и преломляя миф через личностное восприятие автора. Эти маркеры народной мудрости в книгах В. Токаревой, Д. Рубиной, Н. Горлановой, М. Озеровой, О. Кучкиной, И. Васильковой, О. Николаевой, Е. Чижовой и других авторов объединяют значимые понятия в жизненной позиции женщины.

Мифологический концепт выполняет роль посредника между мировой культурой и современным человеком, реализуясь через речь, через язык, «являющийся средой, в которой происходит понятийная репрезентация общекультурных концептов, таких, например, как “бытие”, “реальность”, “сознание”, “знание”, “разум”, “вера”, “опыт”, “действительность”» [Там же, с. 109].

Наиболее частотные мифологические элементы в произведениях современных писательниц находят отражение в национальном самосознании читателя именно при помощи использования авторами приёма «зеркальности», который, прежде всего, использован при изображении перевёрнутого, отраженного, но узнаваемого сакрального народного мифа. Авторы, прежде всего, устанавливают системы образов, наделенных сказочными и мифологическими чертами: Эдипа и Одиссея, Медеи и даже Пушкина (в романе Толстой); но образы эти в лингвистической природе постмодернистского мира снижены: языковое зеркало даёт весьма искажённое, порой гротесковое изображение. Двойственность, раздвоение, обратная сторона, изнанка образа и обозначающей его психолексемы – основной мифопоэтический приём в этих текстах. По мнению исследователей, в произведениях Петрушевской всё двойится, как в сознании шизофреника, превращается в мираж, оказывается либо не тем, за что себя выдаёт, либо совмещает в себе два разных предмета (например, мать и жена, человек и свинья, сын и муж – одновременно) [22, с. 178-180].

Психолингвистическая модель романа Толстой также основана на раздвоении: прежние люди – новые люди, до катастрофы – после катастрофы, свои – чужие, болезнь – не болезнь («тьфу-тьфу-тьфу»), что в данном контексте означает, с одной стороны, сочувствие больному, а с другой – сильное нежелание такого же недуга себе, боязнь заразиться). Пространство города на семи холмах окружено парными сторонами света, каждая из которых имеет своё символично-мифологическое значение: север – родина зомбирующей Кыси, юг – сторона сытости и забвения; запад – диссидентство и изгнанничество, восток – угроза диких чеченцев. Переход цивилизованности и духовности в дикость и моральную деградацию отражается у Т. Толстой через языковые маркеры: пометки на верстовом столбе с надписью «Никитские ворота» «обогащаются» заметками типа «Глеб + Клава», «здесь был Витя» и нецензурными выражениями, которые воспринимаются жителями города как равнозначные, что говорит об утрате различия добра и зла.

С точки зрения психолингвистики в постмодернистской женской прозе происходит не только замена сакрального мифа неомифом, но и прослеживается превращение его в «антимиф»; так в психологию современного социума при помощи языковых маркеров транслируется тревожный сигнал о деградации национального самосознания.

Список источников

1. Барашкова С. Н., Желобцова С. Ф. Особенности поэтики современной женской мировой прозы // Вестник Якутского государственного университета. 2009. Т. 6. № 2. С. 97-106.
2. Боргоякова А. П. Образ мира в языковом сознании этноса: хакасы, русские, англичане. М.: Советский писатель, 2003. 152 с.
3. Елисеев Н. На «Кысь!» Татьяны Толстой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kis/eliseev.htm> (дата обращения: 11.12.2017).
4. Иваненко Н. А., Туранина Н. А. Афористичность современной женской прозы // Гуманитарные исследования. 2011. № 2. С. 105-109.
5. Капути Дж. Психический активизм: мифотворчество феминизма // Женщины в легендах и мифах / под ред. К. Ларрингтон. М.: Крон-Пресс, 1998. С. 547-566.
6. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 463 с.
7. Новые амазонки: сборник / под ред. А. В. Ивановой. М.: Московский рабочий, 1991. 366 с.
8. Павлов В. М. К вопросу об отношениях лингвистики и психологии // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 11-26.
9. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. М.: Наука, 1985. 483 с.
10. Парыгин Б. Д. Философско-социологическое направление социальной психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://psy.su/interview/2311> (дата обращения: 31.09.2017).
11. Петрушевская Л. С. Тайна дома: повести и рассказы. М.: Квадрат, 1995. 511 с.
12. Петрушевская Л. С. Тёща Эдипа // Петрушевская Л. С. Бал последнего человека. М.: Локид, 1996. С. 446-451.
13. Погребная Я. В. Неомифологизм В. В. Набокова: способы литературоведческой идентификации особенностей художественного воплощения. Ставрополь: Изд-во ГОУ ВПО «СевКавГТУ», 2006. 520 с.
14. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с франц. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
15. Токарева В. С. Сентиментальное путешествие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/sentimentalnoe-puteshestvie-litres-read-172077-2.html> (дата обращения: 11.12.2017).
16. Толстая Т. Н. Кысь. М.: Подкова, 2002. 346 с.
17. Улицкая Л. Е. Медя и ее дети. М.: АСТ, 2004. 318 с.
18. Хачмафова З. Р. Гендерная стратификация языка женской прозы (на материале русского и немецкого языков) // Известия Российского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2010. № 2. С. 103-116.
19. Хачмафова З. Р. Женский художественный дискурс в аспекте когнитивной лингвистики // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 200-204.
20. Черкашина С. П. Женщина как персонификация «Земляной Матери»: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2015. 204 с.
21. Шестаков А. Н. Художественная проза Ольги Славниковой в контексте современного литературного процесса [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/06/pdf/22.pdf> (дата обращения: 11.12.2017).
22. Широкова Е. В. Трансформация античного мифа в современной русской прозе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4: в 2-х ч. Ч. 2. С. 178-180.
23. Юнг К. Г. Аналитическая психология // История зарубежной психологии, 30-е – 60-е годы XX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. С. 142-170.
24. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. 2-е, исп. и доп. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.

PSYCHOLINGUISTICS OF THE MYTH IN THE CONTEMPORARY FEMALE PROSE

Wang Yue

*Beijing Normal University, The People's Republic of China
yp20092011@163.com*

The article deals with mythological tendencies in the contemporary Russian female prose. The author presents an idea of the expression of the Russian reader's linguistic culture through the study of linguistic markers of mythologemes. It is stated that the linguistic consciousness of the Russian people reflects the interpretation of a text and constant images with the support of the invariant of a mythological archetype. The perception of the "neomyths" of the contemporary female prose by the Russian reader is shown; a linguistic interpretation of the phenomenon of "reflectivity" of the conceptual and figurative set of works is given.

Key words and phrases: contemporary female prose; psycholinguistics; cultural linguistics; myth-making; "neomyth"; "antimyth".